

A close-up portrait of a woman with wavy brown hair, smiling gently. She is holding a silver pocket watch with a chain in her hands. The background is a warm, out-of-focus interior with wooden elements. The lighting is soft and golden, suggesting a window nearby.

Алиса Градова

**Дом, где
живет надежда**

Алиса Градова

Дом, где живёт надежда.

<https://litres.ru/74450374>

Аннотация

Лене с детства внушали, что она — лишь случайная ошибка, обуза, которую тянут из чувства долга. Единственным светом в ее жизни стал Никита — человек, подаривший ей семью, тепло и долгожданный покой. Но хрупкое счастье рушится в один миг: страшная авария на трассе уносит жизнь мужа, а у новорожденного сына Стёпы находят смертельный порок сердца.

Оставшись одна на съемной квартире с пятью детьми на руках, без денег и поддержки, Лена оказывается на краю бездны. Спасительным кругом становится неожиданное наследство — старый деревенский дом в глухом селе Ольховка, оставленный дальней родственницей.

Переехав туда в отчаянной попытке выжить, Лена случайно находит под кухонным столом старинные серебряные часы с загадочной гравировкой: «Спасшему жизнь на вечную память». А глубокой ночью в запертую дверь стучится странный старик, знающий об этом доме и о Лене гораздо больше, чем положено живому человеку.

Сможет ли чужой дом стать настоящим родовым гнездом, а реликвия прошлого — спасти жизнь маленькому мальчику, чье сердце отсчитывает последние спокойные дни?

Содержание

Глава 1. Чужой угол	4
Глава 2. Черная осень	16
Глава 3. Дорога в Ольховку	29
Глава 4. Ночной гость	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Чужой угол

Лене с самого раннего детства казалось, что ей по ошибке вручили чужую, неподъемную судьбу — без объяснений, без права на отказ и без единого человека рядом, который мог бы просто обнять и сказать: «Не бойся, маленькая, я с тобой».

Она появилась на свет у матери, которая сама так и не успела повзрослеть. Для восемнадцатилетней Ирины эта беременность стала досадной, почти нелепой случайностью, застрявшей между шумными полуночными компаниями, чужими прокуренными кухнями и легковесными клятвами, которые таяли вместе с утренним похмельем. Ирина попыталась бы избавиться от обузы привычным путем, но в районной женской консультации седой врач лишь устало снял запотевшие очки и развел руками: срок был слишком велик, время упущено.

Валентина Павловна, узнав, что вскоре станет бабушкой, не проронила ни слова. Она долго стояла у окна, глядя на мокрый ноябрьский асфальт, а потом лишь тяжело, натужно выдохнула, словно из груди вырвался последний живой воздух.

Дети... Когда-то для нее это слово звучало как высшая благодать. В молодости они с мужем Григорием истоптали пороги всех городских больниц, вымаливали первенца в тишине монастырей, но в их аккуратной, пахнущей крахмалом

ленными скатертями двушке год за годом стояла звенящая, мертвая тишина. Валентина плакала по ночам в ванной, заглушая рыдания шумом воды из крана, а Григорий делал вид, что не замечает ее воспаленных глаз.

В конце концов они решились на усыновление. Знакомые крутили пальцем у виска: «Чужая кровь — потемки! Неизвестно, какие гены там защиты, нормальных детей в приютах не оставляют». Но Валентине было все равно. Ей так отчаянно хотелось материнства, что она готова была принять любого ребенка, лишь бы услышать в свой адрес тихое, робкое: «Мама».

В детском доме к ним навстречу выбежала четырехлетняя светловолосая девочка. Она неловко споткнулась, подбежала к Валентине, обхватила ее колени крошечными ручонками и доверчиво уткнулась носом в драповое пальто. Григорий тогда резко отвернулся к окну, но Валентина успела заметить, как по его небритой щеке скатилась скупая слеза. Так в их доме появилась Ирочка.

Первые годы казались сказкой, запоздалой наградой за долгое терпение. Девочка росла послушной, ласковой, боялась огорчить новых родителей даже случайной кляксой в прописи. Валентина Павловна растворилась в дочке без остатка: пекла пышные творожные сырники, заплетала тонкие пшеничные волосы в тугие косы с шелковыми бантами, покупала лучших фарфоровых кукол и нарядные платица. Соседки качали головами: «Забалуете девку, на шею сядет».

Но супруги лишь отмахивались: настрадалась сиротка, пусть хоть в семье узнает сытое, счастливое детство.

Бедка пришла внезапно, когда Ирина училась в седьмом классе. Григорий возвращался с вечерней смены и у гастронома стал свидетелем пьяной драки. Попытался оттащить двоих озверевших верзил от пожилого продавца — и получил удар заточенным напильником под ребра. Смерть наступила мгновенно, прямо на грязном снегу.

После похорон Валентина Павловна словно омертвела изнутри. Она бродила по пустой квартире, не понимая, зачем кипятить чайник, зачем застилать постель, если Гриши больше нет. Ирина сначала плакала, сутками лежала лицом к стене, а потом внутри девочки что-то с треском надломилось.

Прежняя домашняя Ирочка исчезла без следа. Сначала начались дерзкие ответы и прогулы уроков. Затем появились новые «друзья» — крикливые, развязные подростки в кожаных куртках, кутившие прямо на лестничной клетке. Ирина научилась отборному мату, начала хлопать дверями и требовать карманные деньги. На любую материнскую просьбу помочь по дому она смотрела с такой ледяной ненавистью, будто ее заставляли пить яд.

Потом из серванта пропали золотые сережки Валентины, следом — старый трофейный фотоаппарат мужа. В тринадцать лет Ирина впервые не пришла ночевать. Мать металась по моргам, обрывала телефоны дежурных частей милиции, а наутро дочь явилась сама — опухшая, наглая, с чужой муж-

ской курткой на худых плечах.

Валентина Павловна таскала ее по неврологам, психологам и частным клиникам, отдавая последние копейки. Врачи сыпали заумными терминами: «посттравматический синдром», «кризис пубертата», «депривация раннего возраста». Но ни один специалист не дал ответа на простой вопрос: как жить матери, когда ребенок, вымоленный у судьбы, методично и хладнокровно крушит дом по кирпичику?

После девятого класса Ирина бросила школу. Учиться дальше она не собиралась — ее вполне устраивали бесконечные гулянки, дешевый портвейн и случайные мужчины. Тайники, где мать прятала пенсию, она вычисляла с пугающим чутьем. Именно поэтому известие о беременности дочери Валентина Павловна встретила без тени радости. В глубине души она уже вынесла приговор: дурная кровь берет свое.

Лена родилась в срок — крепенькая, темноволосая малышка с огромными, не по-детски серьезными серыми глазами. Первые два месяца Ирина искренне пыталась изображать заботливую родительницу: меняла пеленки, качала колыбель, с гордостью выкатывала яркую коляску во двор на зависть подружкам. Валентина Павловна даже позволила себе поверить в чудо: материнство исправит дочь, вернет ее на правильный путь.

Но иллюзия растаяла быстро. Однажды Ирина накинула легкую куртку, бросила: «Я на часок, до аптеки», — и вернулась через четверо суток. А еще через месяц она собра-

ла свои вещи в клетчатую сумку и уехала в неизвестном направлении с очередным кавалером, оставив полугодовалую Лену на руках у пожилой женщины.

— Вернется еще, — сухо сказала соседям Валентина Павловна. — Только вот в каком виде и зачем...

Лена росла тихой, нетребовательной и на редкость послушной девочкой. Она не капризничала из-за разбитых коленок, не выпрашивала игрушки в магазинах и часами могла тихо рисовать в углу цветными карандашами. Но Валентина Павловна уже не умела любить. Ее сердце затянулось толстой коркой льда. Память о том, как ласковая сиротка Ирочка превратилась в жестокого монстра, отравляла каждый день.

Бабушка держала внучку в ежовых рукавицах. Лену никогда не обнимали просто так. Ей не читали сказок перед сном, не целовали в макушку, не покупали лишней конфеты. Одежда — строго по сезону, добротная, но темная, немаркая. Обувь — с запасом на вырост. Зато обязанностей с каждым годом становилось все больше. В шесть лет Лена уже начисто вытирала пыль и мыла тарелки, в восемь — варила нехитрый суп, а к десяти годам на ней держалась вся уборка, глажка и походы на рынок за картошкой.

Ирина иногда объявлялась. Ее визиты всегда напоминали налет урагана. Она вваливалась в прихожую, пахнувшая резкими сладкими духами, дешевым табаком и уличным сквозняком. Приносила растаявшие плитки шоколада, садилась

на краешек табурета, закинув ногу на ногу, и сыпала обещаниями:

— Ничего, Ленка, ты потерпи! Скоро мы с Виталиком нормальную квартиру снимем, двушку у парка, и я тебя заберу. Шмоток тебе куплю модных, как у людей все будет.

— Мам, а когда? — с замиранием сердца шептала маленькая Лена, сжимая в липких пальцах обертку от шоколадки.
— Я уже суп научилась варить, я мешать не буду...

— Скоро, котенок, вот только с делами разберусь, — легко бросала мать, уже подкрашивая губы перед зеркалом.

Потом причиной отсрочки становился новый муж, затем — рождение очередного ребенка, которого Ирина тоже вскоре кому-то сбывала с рук, потом безденежье, болезни, суды...

Валентина Павловна слушала эти трели с окаменевшим лицом, а когда за непутевой дочерью захлопывалась входная дверь, поворачивалась к внучке и чеканила каждое слово, словно вбивала гвозди:

— Запомни раз и навсегда: ты ей не нужна. И никому на этом белом свете не нужна, кроме меня. Случайно на свет вылезла, по пьяной лавочке. Не строй себе сказок, сказочница. Посуду иди мой.

Лене было невыносимо, обжигаяще больно. Первые годы

она плакала по ночам, уткнувшись лицом в жесткую перьевую подушку, чтобы бабушка не услышала всхлипов. Но с годами слезы высохли. Пришло тяжелое, взрослое понимание: бабушка говорила жестоко, но это была правда. Мать никогда ее не заберет. А бабушка растит ее не от щедрости души, а потому что «люди осудят» и собственная совесть не позволит сдать ребенка в приют, откуда когда-то взяли ее непутевую мать.

После девятого класса Валентина Павловна безапелляционно заявила:

— Пойдешь в торгово-экономический колледж на учет и аудит. Мечтать некогда, нужна нормальная специальность с куском хлеба.

Лена не стала спорить. Она вообще не умела отстаивать свои желания — у нее просто не было опыта, каково это, когда с твоим мнением считаются.

В колледже жизнь текла серо и однообразно, пока на втором курсе в ее судьбу не ворвался Никита. Он учился курсом старше, на отделении логистики. Высокий, широкоплечий, с вечно взъерошенными каштановыми волосами и открытой, ослепительной улыбкой, Никита был душой любой компании. Преподаватели делали вид, что злятся на его шутки, а девчонки с курса заглядывали ему в рот.

Лена искренне не понимала, почему из всех студенток он выбрал именно ее — тихую, серую мышку в скромном сви-

тере, которая всегда садилась за последнюю парту у окна и говорила только тогда, когда к ней обращались напрямую.

Сначала она решила, что парень заключил с кем-то пари и просто издевается. Когда Никита впервые подошел к ней в буфете, протянул картонный стаканчик с горячим чаем и спросил: «Ты чего всегда такая грустная, принцесса?», Лена испуганно сжалась и отодвинулась.

Но Никита оказался упрямым. Он не давил, не торопил событий, не обижался на ее замкнутость. Он просто изо дня в день оказывался рядом: встречал после занятий на крыльце, шел рядом до троллейбусной остановки, закрывая ее широкой спиной от пронизывающего осеннего ветра, рассказывал смешные байки из своего дворового детства.

С Никитой Лена впервые в жизни ощутила, каково это — быть нужной. Не удобной прислугой, не ошибкой чужой молодости, а девушкой, чьей улыбки ждут, чьи замерзшие пальцы прячут в теплых карманах куртки. Они часами бродили по набережной, ели дешевый пломбир в трескучий мороз, катались на его стареньком, чихающем выхлопными газами мотоцикле «Иж», который отец подарил ему на совершеннолетие.

— Бросит он тебя, — злобно пророчила Валентина Павловна, наблюдая из окна, как парень машет Лене рукой у подъезда. — Поиграет, как с куклой, кровь молодую выпьет и пойдет к богатой да фигуристой. Твоя мать тоже за кобелями бегала, помни, чья порода!

Но Никита не бросил. В день окончания колледжа он привел Лену в сквер у фонтана, опустился на одно колено прямо на асфальт и протянул скромное серебряное колечко с крошечным фианитом.

Свадьба была до слез скромной: быстрая роспись в ЗАГСе без белого платья, пара снимков на фоне клумбы и домашний торт на съемной однокомнатной квартире, пропахшей старыми обоями. Валентина Павловна просидела весь вечер с каменным лицом, демонстративно отказываясь от угощений, а Ирина о замужестве единственной дочери даже не узнала — в то время она отбывала условный срок за кражу где-то на другом конце области.

После учебы Никита устроился водителем дальних рейсов.

— Не по диплому, зато платят живые деньги, — весело говорил он, занося в их съемную квартирку тяжелые пакеты с продуктами. — Я теперь за семью в ответе. Мои девчонки ни в чем нужды знать не должны.

Через год родилась Варя. Когда Валентина Павловна пришла посмотреть на правнучку, завернутую в ситцевое одеяльце, она лишь брезгливо поджала губы:

— Чему вы радуетесь, дураки? Плохая кровь дальше пошла, вот увидите...

Лена привычно проглотила ком в горле, но Никита мол-

чать не стал. Он молча подошел, забрал дочь из рук старухи, унес в комнату и, вернувшись, указал теще на дверь:

— Чтоб ноги вашей здесь больше не было с такими речами. Мы свою дочь в любви вырастим, поняли?

Валентина Павловна ушла, громко хлопнув дверью, и с тех пор их общение почти прекратилось.

Спустя три года родилась вторая дочь, Даша, а следом за ней — Машенька. Лена целиком растворилась в детях. Она с маниакальной страстью создавала в их скромном съемном жилье тот уют, о котором сама могла только мечтать в детстве. В доме всегда пахло сдобными пирогами, ванилью и свежестью. Девочки росли спокойными, ласковыми, опрятными. Глядя на них, Лена все меньше понимала собственную мать: как можно добровольно отказаться от этих маленьких доверчивых ручонков, от теплого сопения в шею, от заливистого смеха над глупой сказкой?

Никита уходил в рейсы на две-три недели. Возвращаясь, он с порога подхватывал дочек на руки, кружил их по коридору, осыпал гостинцами и подарками. В семье царил тот хрупкий, драгоценный мир, ради которого стоило пройти через все прошлые унижения.

Когда Валентину Павловну разбил инсульт, Лена не смогла остаться в стороне. Несмотря на троих маленьких детей и вечную нехватку времени, она через день моталась на другой конец города: меняла памперсы, кормила парализованную

старуху из ложечки, мыла полы в душевой квартире. Любви между ними так и не возникло, но Лена помнила главное: эта женщина не сдала ее в детдом, когда родная мать просто вычеркнула ее из жизни.

Валентина Павловна угасла промозглым ноябрьским утром. Лена сама организовала скромные похороны на сбережения Никиты. Ирина объявилась ровно через полгода — цветущая, шумная, с перегаром и новым сожителем, чтобы заявить права на наследство. Квартира бабушки по закону отошла ей.

Глядя на мать в коридоре нотариальной конторы, Лена с пугающей ясностью поняла: они абсолютно чужие люди. Перед ней стояла опустившаяся, вульгарная женщина с пустыми, выцветшими глазами, в которых не было ни капли раскаяния. И Лена впервые испытала облегчение оттого, что эта женщина когда-то оставила ее. Ведь у нее, у Лены, была настоящая семья: любящий муж, прекрасные дочери и дом, пусть пока и чужой, съемный.

Девочки подросли, старшей Варе исполнилось одиннадцать, в доме перестало пахнуть младенческими присыпками. И однажды вечером Никита, обняв жену со спины на маленькой кухне, негромко, с затаенной надеждой произнес:

— Ленусь... А давай еще разок попробуем? Сына хочу, сил нет. Мужика бы нам в этот бабский батальон, а?

Лена рассмеялась, повернулась к нему и заглянула в род-

ные сияющие глаза:

— А давай.

Новость о том, что она ждет двойню, стала для Никиты настоящим триумфом. Он сиял так, будто сорвал главный куш во вселенной. Повел Лену в лучший городской ресторан, не сводил с нее восхищенного взгляда, целовал ладони прямо на глазах у чопорных официантов и строил грандиозные планы:

— Парней назову Степаном и Михаилом! Вырастут — помощники будут, гараж построим, на рыбалку махнем...

Близнецы родились в разгар жаркого июля — горластые, крепкие, с темными хохолками на макушках. Лена плакала от переполнявшего ее счастья, прижимая к груди сразу двоих крошечных сыновей. Казалось, лимит горя и испытаний, отпущенный на ее долю, исчерпан до самого дна, и впереди их ждет только светлая, спокойная семейная гавань.

Она еще не знала, что судьба лишь затаилась, готовя сокрушительный удар, после которого ее прежняя жизнь разлетится на мелкие осколки.

Глава 2. Черная осень

Первый месяц после рождения мальчиков промелькнул как один яркий, шумный и бесконечно счастливый день. Съёмная трехкомнатная квартира, в которую они перебрались незадолго до родов, наполнилась ни с чем не сравнимыми звуками и запахами: детским стиральным порошком, ромашковым отваром для купания, теплым парным молоком и звонким девичьим смехом.

Двенадцатилетняя Варя взяла на себя роль главной маминой помощницы. Она с удивительной для своего возраста зрелостью и нежностью ловко переодевала крошечные распашонки, подавала стерилизованные бутылочки и читала младшим сестрам, Даше и Маше, сказки на ночь, пока Лена кормила двойняшек. Девочки не отходили от кровати, споря шепотом, на кого больше похожи братья: серьезный Миша с темными волосиками и ямочкой на подбородке или его брат-близнец Стёпка, любивший засыпать, только уткнувшись носом в мамину ладонь.

Никита, возвращаясь из коротких рейсов, прямо с порога подхватывал Лену на руки вместе с одним из сыновей, кружил по коридору и гудел в макушку младенца:

— Ну что, богатыри Никитичи, слушаетесь мать? Вот подрастете, куплю вам по велосипеду, потом в кабину с собой

посажу, всю страну покажу от края до края!

В этих простых словах было столько надежды, столько несокрушимой, ясной силы, что Лене казалось: теперь их дом защищен от любых невзгод толстой невидимой броней.

Все рухнуло в один серый, промозглый сентябрьский день на плановом приеме в областном кардиологическом центре.

Пожилой седой профессор долго и сосредоточенно водил холодным датчиком ультразвукового аппарата по крошечной, вздымающейся грудке Стёпы. Миша в это время сладко спал в переносной люльке у окна, а Стёпка тихо кряхтел, недовольный липким гелем на коже. Врач хмурился все сильнее, то и дело останавливал картинку на мониторе, щелкал кнопками и тяжело вздыхал. Лена стояла рядом, чувствуя, как внутри натягивается и леденеет тонкая струна тревоги.

— Доктор... Что-то не так? — едва слышно спросила она, комкая в руках ситцевую пеленку.

Профессор снял очки, медленно протер стекла носовым платком и посмотрел на Лену взглядом, от которого у нее мгновенно подкосились колени.

— Присаживайтесь, Елена Сергеевна. Разговор будет серьезный.

Каждое слово врача падало в тишину кабинета, словно тяжелый булыжник на дно глубокого колодца.

— У мальчика сложнейший врожденный порок развития сердечно-сосудистой системы. Комбинированная патология, дефект межжелудочковой перегородки с сужением легочной артерии. Сейчас, пока он совсем мал, компенсирующие механизмы работают, но с каждым месяцем нагрузка на сердечную мышцу будет возрастать в геометрической прогрессии. Начнется кислородное голодание органов.

— Это... это лечится? — пересохшими губами вытолкнула Лена, прижимая запеленутого Стёпу к груди так крепко, словно его могли отобрать прямо сейчас.

— Медикаменты лишь оттянут катастрофу, — отрезал кардиолог. — Единственный шанс на жизнь — радикальная полостная операция на открытом сердце. Проводят такие вмешательства только в Москве, в институте имени Бакулева. Операцию необходимо сделать строго в возрасте от года до полутора лет. Раньше — велик риск не перенести наркоз, позже — начнутся необратимые изменения в легочных сосудах, и ребенок просто угаснет.

Врач придвинул к ней листок с предварительной сметой и списком необходимых обследований:

— Квоты на текущий год исчерпаны, очередь на льготные места расписана на два года вперед. У вас этого времени нет. Операция высокотехнологичная, расходные материалы импортные, реабилитация долгая. Сумма колоссальная. Начните собирать деньги прямо сейчас. Ищите фонды, берите

кредиты, продавайте имущество. Это цена жизни вашего сына.

Лена не помнила, как вышла на осеннюю улицу. Холодный мелкий дождь сек лицо, под ногами хлюпала мокрая листва, а она шла по тротуару, не чувствуя собственного тела. На руках лежал ее мальчик — пухлый, теплый, пахнущий сладким детским молоком и ванильной присыпкой. Он зевнул, доверчиво приоткрыл сонные серые глазки и сжал крошечными пальчиками край ее куртки. «Господи, — беззвучно кричала Лена в стылое осеннее небо. — За что ему это? Он ведь только-только пришел в этот мир...»

Никита, вернувшись вечером домой и увидев заплаканное, белое как полотно лицо жены и медицинское заключение на столе, не проронил ни слова упрека судьбе. Он молча опустился на колени перед креслом, в котором сидела Лена, уткнулся лбом в ее колени и глухо, прерывисто задышал. А через пять минут поднял голову — в его глазах больше не было растерянности, там горело упрямое, яростное пламя.

— Ничего, Ленусь. Слышишь меня? Ничего! — он сжал ее ледяные ладони в своих широких, мозолистых руках. — Мы его вытащим. Я со смены не вылезу. Возьму северные маршруты, там платят втрое больше. Буду с напарником через каждые четыре часа меняться, на ходу спать. Ребята в автоколонне помогут, шапку по кругу пустим. Мы каждую копейку до копеечки соберем, в Москву отвезем к лучшим профессорам. Наш Стёпка будет жить, бегать будет, вот уви-

дишь!

Никита превратился в тень. Он уезжал затемно, возвращался на пару часов, чтобы обнять детей, наскоро проглотить тарелку горячего борща — и снова садился за руль тяжелой двадцатитонной «Скании». На полке в серванте появилась старая жестяная банка из-под индийского чая, куда муж бережно складывал свернутые в трубочку купюры. Но стопка росла мучительно медленно, а дата в медицинском календаре приближалась с неумолимостью курьерского поезда.

В конце ноября ударили первые свирепые заморозки. Дороги покрылись коварной ледяной коркой, замаскированной мокрым снегом.

Никита должен был вернуться из сложного рейса в Екатеринбург в пятницу вечером. Лена с дочками приготовила его любимые пироги с капустой, выгладила чистую рубашку, уложила близнецов. Часы на стене мерно отсчитывали минуты: полночь, час ночи, два... Телефон мужа находился вне зоны действия сети, но Лена успокаивала себя: на перевалах часто пропадает сигнал, на трассе заторы.

Звонок раздался в три часа сорок минут утра. Резкий,дребезжащий звук стационарного аппарата в прихожей разорвал ночную тишину, как выстрел в упор.

Лена босиком бросилась в коридор, срывая трубку дрожащей рукой:

— Никита? Ты где, милый?

— Елена Сергеевна Васильева? — раздался в трубке чужой, глухой мужской голос с металлическими нотками усталости. — Дежурный капитан ДПС Смирнов. Вы кем приходитесь Васильеву Никите Андреевичу?

— Жена... Я жена... Что случилось?!

— Примите соболезнования. Полтора часа назад на двести сорок первом километре федеральной трассы произошло лобовое столкновение. Встречный бензовоз пошел на обгон на обледенелом мосту, потерял управление. Ваш муж пытался увести фуру в кювет, спасая легковушку позади себя... Удар пришелся прямо в кабину. Смерть наступила мгновенно, до приезда скорой помощи.

Трубка выпала из онемевших пальцев и повисла на витом шнуре, мерно постукивая о стену.

В ту секунду мир не просто раскололся — он растворился в черной, ледяной пустоте. Не было ни крика, ни слез. Воздух в легких мгновенно превратился в битое стекло. Лена осела на колени на холодный линолеум, хватая ртом пустоту, не в силах сделать вдох. Из полумрака комнаты бесшумно появилась Варя в длинной пижаме. Девочка взглянула на висящую трубку, на побелевшую мать — и все поняла без единого слова. Она опустилась рядом, обняла Лену за шею

тонкими ручками и зашептала, давясь слезами:

— Мамочка... Мамочка, дыши... Пожалуйста, дыши, мы же здесь, мы с тобой...

Похороны прошли как в густом, вязком кошмаре. Лена помнила лишь черный глянец гроба, горький запах елового лапника на мерзлой земле, сочувственные взгляды немногочисленных коллег-водителей и пронзительный вой ноябрьского ветра над свежим холмом. Ей казалось, что половину ее души закопали в эту могилу вместе с Никитой.

Но умереть следом ей не дали дети.

С пяти утра начинался неумолимый водоворот выживания. Девятилетней Даше и семилетней Маше нужно было собирать ранцы в школу, заплетать косички, готовить кашу. Близнецы требовали непрерывного внимания: Стёпе становилось хуже, при малейшем плаче его носогубный треугольник синел, ручки становились холодными, и Лена часами носила его вертикально, баюкая и шепча бессвязные молитвы.

Горе пришлось запереть глубоко внутри, утрамбовать, как старые ненужные вещи в тесный сундук. Плакать Лена позволяла себе только глубокой ночью, когда весь дом засыпал. Она зажимала рот кухонным полотенцем, сползала по стене возле холодильника и выла без звука, пока не заканчивались слезы.

А утром снова начиналась война за жизнь.

Профессия бухгалтера, полученная в колледже более де-

сяти лет назад, без единого дня официального стажа оказалась никому не нужна. На пособия по потере кормильца и многодетности едва удавалось сводить концы с концами: почти половина выплат уходила на поддерживающие сердечные препараты для Стёпы, специальные смеси и памперсы.

Лена зарегистрировалась на благотворительных интернет-площадках, открыла официальный сбор. Но в лентах социальных сетей ее мольба тонула среди сотен таких же трагедий. Деньги капали каплями — пятьдесят рублей, сто, две-сти... До необходимой суммы в три миллиона рублей было так же далеко, как до луны.

Окончательный удар нанес хозяин квартиры. В начале декабря он явился без предупреждения — грузный, холеный мужчина с ключами на пальце. Оглядев детские ботиночки в прихожей и коробки с лекарствами, он сухо процедил:

— Елена, я все понимаю, у вас трагедия. Но благотворительностью я не занимаюсь. Через две недели заканчивается оплаченный месяц. Либо вы вносите предоплату сразу за полгода вперед — шестьдесят тысяч, либо освобождаете помещение. У меня есть платежеспособные арендаторы без детей.

— Подождите, пожалуйста, — умоляла Лена, готовая упасть на колени. — У меня сын болен, муж погиб месяц назад... Я найду подработку, я полы мыть пойду по ночам! Дайте хоть месяц!

— Две недели, — отрезал мужчина, выходя за порог. — Потом я меняю замки, а ваши вещиставляю к мусоропро-воду.

Это был тупик. Глухой, беспросветный угол, из которого не было выхода. Родственников не существовало: мать Ирина бесследно растворилась, прогуливая бабушкину квартиру в компании собутыльников; свекры давно умерли. Идти с пятью детьми среди лютой зимы было некуда — разве что в социальный приют, где детей неминуемо распределили бы по разным детским домам, а Стёпу лишили бы шанса на операцию.

Звонок мобильного застал ее в тот момент, когда она дрожащими руками пересчитывала оставшуюся в кошельке мелочь. Номер был городской, незнакомый.

— Елена Сергеевна? — произнес строгий женский голос. — Вас беспокоит нотариус центрального округа Воропаева. Вам надлежит срочно явиться в контору по вопросу открывшегося наследственного дела.

— Какое дело? — апатично отозвалась Лена. — Вы ошиблись. У моего мужа ничего не было, кроме долгов.

— Я говорю не о вашем супруге, — с легким раздражением уточнила нотариус. — Речь идет об имуществе гражданки Васильевой Анны Григорьевны, скончавшейся две недели назад в селе Ольховка. Вы являетесь единственной на-

следницей по завещанию. Приемные часы до пяти. Жду вас с паспортом и свидетельствами о рождении детей.

Лена опустила трубку, не веря собственным ушам. Анна Григорьевна... Двоюродная сестра покойной бабушки Валентины Павловны. В детстве Лена видела ее от силы три или четыре раза. Высокая, сухопарая, с удивительно лучистыми васильковыми глазами и натруженными, шершавыми руками, тетя Аня приезжала из деревни редко. Она всегда привозила гостинцы: банку душистого липового меда, сушеные лесные яблоки и теплые носки из грубой деревенской шерсти, которые сама вязала долгими зимними вечерами. Бабушка всегда встречала сестру холодно, с поджатыми губами выговаривала: «Не приучай сиротку к подачкам, испортишь девку!», но Анна Григорьевна лишь тихо гладила маленькую Лену по голове и шептала: «Терпи, касаточка. Господь терпел и нам велел, воздастся тебе за кротость».

Через два часа, оставив близнецов на попечение повзрослевшей за этот месяц Вари, Лена уже сидела в теплом, обшитом дубовыми панелями кабинете нотариуса.

Женщина в очках в золотой оправе внимательно изучила документы Лены, кивнула и пододвинула к ней плотную папку с гербовой печатью:

— Анна Григорьевна составила завещание полгода назад, будучи в абсолютно здравом уме и твердой памяти. Прямых наследников у нее не осталось — единственный сын погиб

много лет назад, муж скончался еще в советское время. Все свое недвижимое имущество — бревенчатый жилой дом общей площадью девяносто квадратных метров и земельный участок в двадцать соток в селе Ольховка — она завещала вам. Никаких обременений, долгов или других претендентов первой очереди нет. Документы оформлены безупречно.

Нотариус сделала паузу, открыла нижний ящик стола и достала пожелтевший почтовый конверт без марок:

— Это письмо покойная просила передать вам лично в руки вместе с документами.

Лена вышла из здания нотариата на заснеженный бульвар, села на холодную деревянную скамью и надорвала конверт. Пальцы дрожали так сильно, что бумага жалобно шуршала на морозном ветру. На плотном тетрадном листе в линейку неровным, старческим, но удивительно разборчивым почерком было выведено:

«Леночка, внученька дорогая. Если эти строки легли тебе на ладонь, значит, тепли меня в нашей сельской церкви и упокоилась я рядом со своими родными.

Я знаю про твою беду, знаю, как тяжело тебе приходится на этом свете. Мое земное время вышло, а твоему роду только жить да цвести. Дом мой старый, но крепкий, дедом срубленный на века из смолистой сосны. В нем тепло, в нем земля родная под ногами. Забирай ребятишек и поезжай в Ольховку не раздумывая.

Пусть изба наша станет для вас надежным кровом и тихой пристанью. Живите в мире, держитесь друг за дружку и никогда не думайте, что вы одни на белом свете брошены. Стены этого дома умеют беречь и защищать тех, у кого сердце не запятнано злом. А помощь придет, откуда не ждешь, — ты только верь.

Царствие небесное рабу Божьему Никите. А тебе — сил материнских. Храни вас Господь».

Крупные, горячие слезы падали на исписанный лист, размывая фиолетовые чернила. Впервые за долгие недели отчаяния в душе Лены шевельнулось что-то похожее на надежду. Это было не просто спасение от выселения на мороз — это была протянутая сквозь вечность теплая рука помощи.

Решение было принято мгновенно.

Вернувшись в квартиру, Лена твердо посмотрела на испуганно притихших детей и сказала:

— Собираем вещи, девочки. Мы уезжаем. У нас теперь есть свой настоящий дом.

На последние деньги от пособия она наняла старенькую грузовую «Газель». В кузов погрузили скромный скарб: коробки со школьными учебниками, детскую одежду, посуду, старый надувной матрас, Никитин ящик с инструментами и его большой портрет в деревянной рамке.

В промозглый, серый декабрьский рассвет машина тронулась с места, увозя молодую вдову и пятерых детей прочь из

холодного, равнодушного города навстречу неизвестности.

Глава 3. Дорога в Ольховку

Дорога казалась бесконечной, выматывающей и серой, словно сама жизнь Лены за последние месяцы. Старенькая грузовая «Газель» с дребезжащим фургоном натужно гудела, взбираясь на затяжные глинистые подъемы и проваливаясь в глубокие выбоины, заполненные мутной дождевой водой.

Небо висело над полями свинцовым, набухшим пологом. Запотевшие стекла кабины то и дело приходилось протирать засаленной тряпкой: за окном сплошной стеной хлестал мелкий, холодный дождь, превращавший чернозем обочин в скользкую жижу.

В тесной кабине пахло сыростью, бензином и застарелым махорочным дымом. Лена сидела посередине, прижимая к груди укутанного в три слоя байковых пеленок Стёпку. Мальчик спал беспокойно, то и дело вздрагивая всем телом и издавая жалобный, приглушенный стон: каждое резкое торможение отдавалось глухой болью в его слабом сердце. На коленях у Лены дремал Миша, тяжело уронив голову ей на локоть. Позади, на сложенных прямо в кузове тюках с матрасами и коробками, теснились девочки: двенадцатилетняя Варя стойчески приглядывала за младшими сестрами, кутая Дашу и Машу в старое шерстяное пальто Никиты.

Пожилой водитель, дядя Гриша, с ожесточением дергал рычаг переключения передач и без умолку клял осеннюю

распутицу:

— Ну и занесла тебя нелегкая, девка... Тут и в сухой-то месяц волки выть боятся, а нынче — гляди, река из колеи сделалась. Еще версту-другую в горку потянем, а там, коли мост через речушку не смыло, дотащимся. Но обратно я порожняком не выберусь, тут трактор дежурить должен! Как ты тут с таким выводком одна зимовать-то будешь, ума не приложу? Ни аптеки поблизости, ни мужика в избе...

Лена не отвечала. Она молча смотрела в затуманенное стекло на мелькавшие мокрые березовые перелески, на унылые полосы скошенных полей, на редкие полуразрушенные остовы старых коровников. Внутри нее словно выключили звук. Она слишком устала бояться. После похорон мужа, после страшных больничных приговоров и угроз выселения страх потерял свою острую, парализующую силу. Он превратился в тупое, ноющее онемение. Хуже, чем остаться с пятью сиротами на ледяной городской улице без гроша в кармане, уже не будет. А все остальное — глину, холод, печную сажу и деревенское одиночество — она сумеет перетерпеть. Вытерпит. Потому что у нее просто не было другого выбора.

«Газель» тяжело перевалила через крутой пригорок, с визгом тормозных колодок сползла по раскисшему спуску, и внезапно пелена дождя рассеялась. Впереди, в широкой пологой низине, окруженной темно-хвойным лесом, показалась Ольховка.

Вопреки мрачным ожиданиям Лены, село не выглядело вымершим или заброшенным. Напротив, оно дышало той крепкой, неспешной крестьянской основательностью, которая веками спасала людей в самые темные времена. Вдоль широкой деревенской улицы аккуратными рядами стояли основательные избы из почерневшего от времени бревна. Палисадники пламенели тяжелыми гроздьями спелой калины и рябины. Из кирпичных и оштукатуренных труб в низкое небо поднимались густые, белые столбы печного дыма, разнося по округе ни с чем не сравнимый, родной и уютный запах горящих березовых поленьев и печеного хлеба.

Дом Анны Григорьевны стоял на особицу — на высоком, пологом холме в самом конце улицы, чуть в стороне от остальных усадеб, словно добрый дозорный, охраняющий сельский покой.

Машина с натужным всхлипом замерла у дощатой калитки. Водитель заглушил двигатель, и в наступившей тишине стало слышно, как мерно капает вода с водосточного желоба на деревянное крыльцо.

Лена первой выбралась из кабины, бережно держа на руках обоих близнецов. Ноги в резиновых сапогах сразу глубоко ушли в мокрую рыжую глину, но она даже не обратила на это внимания. Она стояла у забора и, затаив дыхание, смотрела на свое новое жилище.

Дом был прекрасен. Большой, пятистенный, сложенный из толстенных вековых сосновых бревен, он был выкрашен

в глубокий, чистый цвет предзвездного неба — небесно-голубой. Белоснежные резные наличники на широких окнах напоминали тончайшее морозное кружево. Высокая двускатная крыша с резным коньком гордо вздымалась над пригорком. Вокруг дома раскинулся огромный, старый яблоневый сад. Деревья с узловатыми, могучими ветвями стояли ровными рядами, усыпанные поздними, не убранными темно-красными яблоками, блестящими от сырости.

Было в этом доме что-то удивительно живое, теплое и человеческое. Ей показалось, будто старое строение не просто стоит на холме, а внимательно, с затаенной вековой мудростью и сочувствием вглядывается в приехавших людей через чисто вымытые стекла. В этом взгляде не было чужой настроенности — только тихое, долгое ожидание.

— Мамочка... — раздался за спиной робкий, благоговейный шепот Вари. Девочка спрыгнула с подножки машины, ведя за руки притихших младших сестер. — Он... он правда наш? Весь-весь?

— Наш, Варенька, — с трудом сглотнув подступивший к горлу ком, прошептала Лена. — Теперь это наш дом. Никто нас отсюда не выгонит. Никогда.

Дядя Гриша, кряхтя и ругаясь сквозь зубы, помог отпереть тяжелый навесной замок на входной двери. Засов подался со скрипом, пахнуло сухим деревом, застоявшимся воздухом, полынью и мятой. Водитель торопился: быстро перетаскал в холодные темные сени коробки с вещами, тюки,

занес чугунный казан и ящик с Никитиными инструментами.

— Ну, бывай, хозяйка, — буркнул он на прощание, пряча в карман потертую купюру. — Печь сразу не кочегарь на полную, пушай просохнет сначала, а то угарите. Дров вон под навесом полно, покойница запасливая была. С богом...

Тяжелая дверь захлопнулась, машина взревела и уехала, оставив их в оглушительной деревенской тишине.

Внутри дом оказался еще просторнее, чем снаружи. Высокие потолки с массивными просмоленными балками-матичами, широкие крашеные половицы, не скрипевшие под ногами, огромная русская печь с лежанкой, занимавшая почти треть просторной кухни-столовой.

В красном углу под расшитым старинным льняным рушником тускло мерцал оклад старинной иконы Богородицы. Обстановка была скромной, но добротной, оставшейся с тех времен, когда вещи делали на века: массивный круглый дубовый стол посреди комнаты, венские стулья с гнутыми спинками, тяжелый посудный буфет со стеклянными дверцами, пузатый комод и две широкие железные кровати с панцирными сетками и блестящими никелированными набалдашниками.

— Девчонки, за работу! — скомандовала Лена, стряхивая с себя оцепенение. Слезы лить было некогда: день клонился к вечеру, в нетопленной избе быстро сгушался промозглый сырой холод.

Пока Варя натягивала на железные кровати чистые простыни и раскладывала на полу надувной матрас, Лена затопила печь. Сухие березовые поленья занялись с первой спички. Веселое оранжевое пламя с гулом устремилось в дымоход, по избе поплыло живое, благодатное тепло, запахло смолой и берестой. Напоив детей горячим чаем из дорожного термоса и накормив нехитрыми бутербродами с сыром, Лена спустила близнецов на пол.

Мальчикам к этому времени как раз исполнился год. Они уже уверенно и шустро ползали на четвереньках, исследуя каждую щелочку в незнакомом пространстве.

Вдруг Миша, ползший к комоду, резко замер. Он присел на пятки, задрал круглую голову и уставился в темный, абсолютно пустой угол между печью и буфетом. Секунду мальчик смотрел в пустоту с недетским вниманием, а потом его личико озарила широкая, беззубая и невероятно счастливая улыбка. Он звонко, заливисто рассмеялся и захлопал в ладоши.

Через миг Стёпка, сидевший возле маминых ног, тоже повернулся к тому же углу. Его бледные щеки порозовели, он вытянул обе пухлые ручонки вперед, в пустоту, и радостно, нараспев загулил: «Дя-дя... Агу-у-дя!», словно здороваясь со старым, добрым знакомым, которого не видел целую вечность.

Лена замерла с тряпкой в руках. По спине пробежал легкий холодок. Она медленно повернулась и посмотрела в

угол. Там не было ничего — лишь плясали тени от печного огня по выскобленным сосновым бревнам да тихонько шуршала запечная паутинка.

— Нашли себе забаву, выдумщики, — тихо, с ласковой усталостью произнесла Лена, опускаясь на колени и прижимая к себе обоих сыновей. Дети часто видят в игре то, что недоступно взрослым глазам, уставшим от мирских забот.

К девяти часам вечера изба наполнилась уютом. Дождь за окном окончательно стих, оставив после себя чистую, темную звездную ночь. Накормленные и угретые сытным теплом печи дети быстро уснули. Девочки свернулись калачиком на кроватях, посапывая под ватными одеялами, близнецы сладко спали на широкой софе, уложенные валетом.

В избе воцарился благословенный покой. Лена достала из сумки маленькую электрическую плитку: нужно было вскипятить ковшик воды, чтобы заварить Стёпке ночное лекарство. Отыскав глазами провод, она опустилась на колени возле массивного круглого стола, пытаясь нащупать розетку внизу, у плинтуса.

Одной рукой опираясь на широкую резную ножку стола, она протянула пальцы вдоль стены и внезапно наткнулась на глубокую щель между половицами прямо под дубовой опорой. Пальцы задели что-то круглое, гладкое и неестественно, обжигающе ледяное.

Лена нахмурилась. Подумав, что это старый железный болт или закатившаяся детская шашка, она подцепила пред-

мет ногтями. Металл поддался с трудом, глухо звякнув о вековую древесину.

Она вытащила находку на свет керосиновой лампы, стоявшей на краю стола, и у нее перехватило дыхание.

На ее раскрытой, огрубевшей от работы ладони лежали массивные карманные часы из черненого, благородного серебра. К толстому ушку крепилась длинная, тяжелая витая цепочка с затейливым карабином. Вещь была старинной, искусной ювелирной работы: по внешнему выпуклому ободу шел тончайший растительный орнамент из дубовых листьев и желудей. На полированной поверхности не было ни царапины, ни пятнышка ржавчины — только мягкий, глубокий серебряный отлив, в котором мерцал живой огонек лампы.

Сердце Лены гулко стукнуло в ребра.

Дрожащим пальцем она нащупала маленькую пружинную кнопку сбоку корпуса. Раздался мягкий, чистый щелчок. Крышка плавно откинулась.

Под ней открылся безупречно белый фарфоровый циферблат с тончайшими римскими цифрами и изящными стрелками в форме стрел. Но самое главное скрывалось на внутренней зеркальной стороне откидной серебряной крышки. Там, глубоко и четко, старинным витиеватым курсивом с вензелями была выгравирована надпись:

«Спасшему жизнь на вечную память».

Лена сидела на полу, не в силах оторвать взгляда от этих слов. Они словно обожгли ее сознание.

Откуда в простой крестьянской избе взялась такая царская, баснословно дорогая вещь? Почему она лежала спрятанной в тайнике под ножкой стола, где ее не тронули ни пыль, ни время? Кто был тот человек, которому подарили эту реликвию? И чью именно жизнь он когда-то вырвал из лап смерти?

В голове вихрем пронеслись слова кардиолога: «Сумма колоссальная... Продавайте имущество, ищите любые деньги. Это цена жизни вашего сына».

Лена осторожно поднесла часы к уху. Внутри массивного серебряного корпуса царил тишина — старинный механизм давно остановился. Но когда она снова сжала реликвию в кулаке, ледяной металл удивительно быстро нагрелся от тепла ее кожи. По телу разлилась странная, ни на что не похожая волна умиротворения. Впервые за бесконечные месяцы черного ужаса ей показалось, что невидимая, любящая рука коснулась ее головы, снимая непосильный груз вины и одиночества.

«Все будет хорошо, — прошелестело в мыслях, словно тихий шелест яблоневых ветвей за стеклом. — Ты дома. Ты не одна».

Лена бережно спрятала часы во внутренний карман куртки, висевшей у изголовья, задула фитиль лампы и легла на матрас рядом с тихо вздыхающей во сне Варей. Усталость навалилась на нее тяжелым, бархатным покрывалом. Она закрыла глаза и уснула самым крепким и безмятежным сном

за всю свою взрослую жизнь.

Она еще не знала, что ровно в полночь тишину старого дома разорвет стук, который навсегда изменит ее представление о мире живых и мертвых.

Глава 4. Ночной гость

Сон Лены оборвался так резко, словно кто-то с размаху плеснул ей в лицо ледяно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.